

УДК 338.92
ББК 65.9(2Р)-2
И 585

Р е ц е н з е н т ы:
доктор экономических наук Г.М. Мкртчян,
кандидат экономических наук М.А. Ягольницер.

И 585 **Инвестиционный процесс и структурная трансформация российской экономики /** А.В. Алексеев, А.О. Баранов, Н.П. Дементьев и др. / под ред. д.э.н. А.В. Алексеева, к.и.н. Л.К. Казанцевой. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2020. – 402 с.

ISBN 978-5-89665-348-6

В монографии рассматривается долгосрочная динамика выпуска промышленной продукции в РФ и финансовый потенциал источников инвестиций; приведены данные прямых иностранных инвестиций; анализируется влияние антироссийских санкций на инвестиционную программу РФ; уделено внимание «зеленым» инвестициям в экономику России; приведен международный опыт инвестиционной активности на рынке интеллектуальной собственности; представлены результаты апробации методики оценки экономической эффективности инновационных проектов; показано, что основной капитал российской экономики оценен в разных и несопоставимых ценах, что искажает многие показатели; международными сопоставлениями подтверждается необходимость реализации мобилизационного сценария для России, предусматривающего резкое увеличение нормы накопления и величины капвложений в основные производственные фонды; показаны сильные и слабые стороны государственно-частного партнерства, изучены его возможности и потенциал использования.

Монография представляет интерес для научных работников, занимающихся анализом и моделированием экономических процессов, а также для преподавателей, аспирантов и студентов экономических вузов.

ISBN 978-5-89665-348-6

УДК 338.92
ББК 65.9(2Р)-2

Монография подготовлена в рамках выполнения плана НИР ИЭОПП СО РАН по проекту XI.170.1.1. (0325-2017-0007) Инновационные и экологические аспекты структурной трансформации российской экономики в условиях новой геополитической реальности № АААА-А17-117022250127-8.

© ИЭОПП СО РАН, 2020 г.

© Коллектив авторов, 2020 г.

Полная электронная копия издания расположена по адресу:

<http://lib.ieie.su/docs/2018/http://lib.ieie.nsc.ru/docs/2020/>

[Investicionniy_process_i_structurnaya_transformaciya/](#)

[Investicionniy_process_i_structurnaya_transformaciya_ros_econ.pdf](#)

ГЛАВА 1. ДОЛГОСРОЧНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРОИЗВОДСТВА ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ И ИНВЕСТИЦИОННАЯ ДИНАМИКА В РФ

1.1. Производство промышленной продукции

В 2001–2007 гг. среднегодовые темпы прироста ВВП составляли немислимые по сегодняшним меркам 6,7%, добычи полезных ископаемых – 5,1%, обрабатывающих производств – 7,1%. В 2012–2018 гг. (оставим в стороне кризисные 2008–2009 гг. и посткризисное восстановление в 2010–2011 гг.) рассматриваемые показатели оказались совсем иными: 1,14%, 1,85%, 2,15% соответственно. Таким образом, темпы экономического развития страны в последние шесть лет резко, если не сказать катастрофически, снизились. С учетом кризисных 2008–2009 гг. и лишь компенсаторного роста в 2010–2011 гг. экономика находится в депрессии уже десять лет и лишь 2017–2018 гг. демонстрируют слабую тенденцию к выходу из этого состояния.

Строго говоря, и слабые результаты 2017–2018 гг. вызывают определенные сомнения. Так, в 2013 г., когда кризисное падение было уже преодолено, экономика вдруг остановилась и перестала подавать сколько-нибудь внятные сигналы о возможном будущем росте. Заметим, до объявления санкций против России и, тем более, начала резкого снижения цен на нефть еще далеко. В это время ведется активная работа по переходу Росстата на новую редакцию классификатора учета основных видов экономической деятельности ОКВЭД 2. С 1 января 2017 г. Росстат начинает представлять информацию о результатах экономического развития в рамках нового классификатора. Производится и ретроспективный пересчет данных до 2014 г.

Необходимость перехода на новый классификатор, «гармонизированный с международными статистическими классификациями», не вызывает сомнений, но в российских условиях этот шаг имел определенную специфику: он улучшил основные экономические показатели. Если для таких видов деятельности как добыча полезных ископаемых и обеспечение электрической энергией газом и паром, кондиционирование воздуха это «улучшение» непринципиально, то для обрабатывающих производств оно ока-

залось весьма существенным. Так, если в 2014 г. (первый год, на который есть информация как в ОКВЭД ред. 1.1, так и в ОКВЭД 2) расхождение между показателями развития обрабатывающих производств по отношению к 2000 г. невелико (в пределах двух п.п.), то к 2016 г. (последний год, на который есть информация в ОКВЭД ред. 1.1 и в ОКВЭД 2) оно уже весьма заметно – 14 п.п. Более того, если согласно ОКВЭД 2 производство в обрабатывающих отраслях в 2016 г. по отношению к 2014 г. немного выросло, то согласно ОКВЭД 2 заметно сократилось (рис. 1.1). Получается, что по данным ОКВЭД 2 среднегодовые темпы прироста обрабатывающих отраслей в 2012–2016 гг. составляли 2% (если Росстат пересчитал бы данные не по 2014 г, а по 2012 г., то, очевидно, и еще выше), а по ОКВЭД ред. 1.1 лишь 0,42%, т.е. величину не выходящую за пределы точности счета и ставящую под сомнение наличие хотя бы какого-нибудь роста на протяжении достаточно длительного времени.

Завышает переход на ОКВЭД 2 российский экономический рост или оценивает его более адекватно, вопрос не простой. Ясно одно: новая методология по отношению к объекту учета – российским обрабатывающим производствам – дает лучшие результаты. Рассмотрим этот объект подробнее – что же такого «видит» в нем новая методология (или, напротив, игнорирует), чего не замечает старая.

При любом методе счета российские экономические достижения последних десяти лет трудно признать удовлетворительными. Столь длительный застой нельзя объяснить привходящими обстоятельствами, какими бы существенными они ни были. Он свидетельствует о том, что модель, лежащая в основе российской экономики, более не способна обеспечивать её рост. Это тем более обидно, что на протяжении предшествующего восьмилетнего периода (2000–2008 гг.) модель прекрасно работала: ВВП вырос в 1,66 раза, добывающие производства – в 1,42 раза, обрабатывающие – в 1,63 раза. По отдельным направлениям удалось достигнуть явных прорывов: производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования в 2007 г. примерно в 3,3 раза превысило уровень 2000 г., резиновых и пластмассовых изделий – в 2,2 раза, производство машин и оборудования – почти в 2 раза. Существенный рост наблюдался и в других отраслях, за исключением текстильного и швейного производства и производства транспортных средств и оборудования.

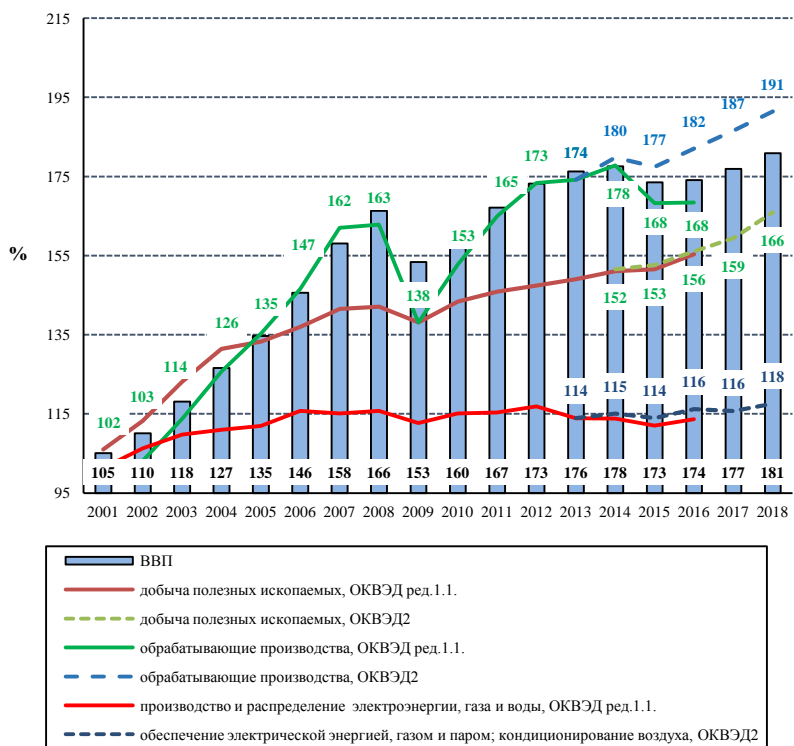
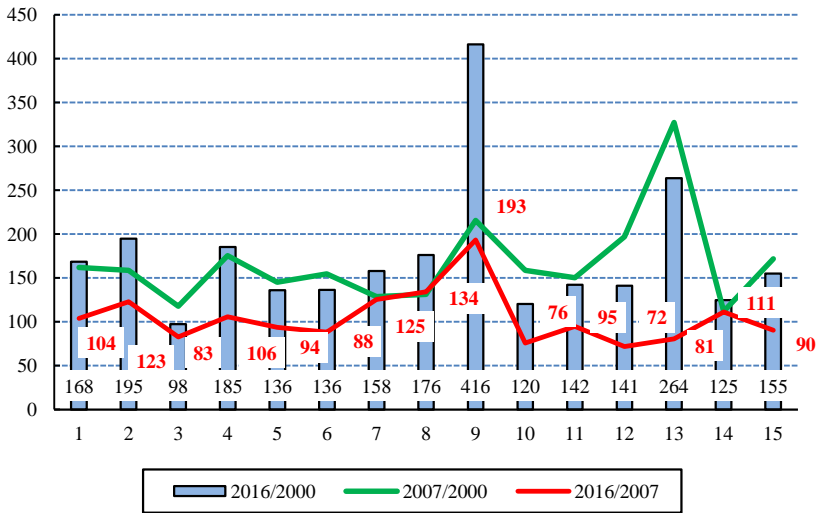

Рис. 1.1. ВВП и производство по видам экономической деятельности в РФ, 2000 г. – 100%

Кризис 2008–2009 гг., если не принимать во внимание его глубину, можно было бы объяснить «досадным» сбоем модели. В 2010–2011 гг. ситуация стала быстро выправляться. Однако значимость высоких темпов роста не стоит переоценивать – они позволили не более чем выйти на докризисный уровень. Годом полноценного экономического роста стал 2012 г., но уже в 2013 г. экономика остановилась и, несмотря на все усилия, не может выйти из стагнации до сих пор. Более детализированная статистика обнаруживает весьма неприятные процессы, дающие основание утверждать, что стабилизация – не подходящий термин для описания происходящего. Из 14 обрабатывающих отраслей, представленных в данных Росстата, только в 6 производство в 2016 г.

превысило уровень 2007 г. При этом снижение объёмов продукции затронуло такие ключевые с точки зрения национальной безопасности и создания инновационной экономики отрасли, как производство машин и оборудования и производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования (сокращение на 28 и 20% соответственно) (рис. 1.2).

Примечание: 1 – обрабатывающие производства; 2 – производство пищевых продуктов, в т.ч. напитки, и табака; 3 – текстильное и швейное производство; 4 – производство кожи, изделий из кожи и производство обуви; 5 – обработка древесины и производство изделий из дерева; 6 – целлюлозно-бумажное производство, издательская и полиграфическая деятельность; 7 – производство кокса и нефтепродуктов; 8 – химическое производство; 9 – производство резиновых и пластмассовых изделий; 10 – производство прочих неметаллических минеральных продуктов; 11 – металлургическое производство и производство готовых металлических изделий; 12 – производство машин и оборудования; 13 – производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования; 14 – производство транспортных средств и оборудования; 15 – прочие производства

Рис. 1.2. Производство продукции по видам экономической деятельности, %

Углубление в статистические данные Росстата усиливает драматизм ситуации. Отчётность о темпах роста промышленной продукции примерно по 700 её видам (в отдельные годы количество видов продукции различно) в 2000 г. обнаруживает отрицательные значения по 25% видов продукции в добывающих и по 12% в обрабатывающих производствах, в 2001 г. – по 45% и 26% видов соответственно. В 2002 году, когда темпы роста промышленного производства в целом составляли вполне благополучные 103,1%, производство машин и оборудования снизилось более чем по половине позиций.

Само по себе снижение выпуска каких-то видов продукции – нормальное явление для развивающейся экономики. Ненормальной может быть только мера этого снижения. Например, если из 494 видов продукции обрабатывающей промышленности производство снижается по 58 видам (12%), как происходило в 2000 г., такую ситуацию можно считать нормальной. Но если, как было в 2002 г., сокращение наблюдается уже по 216 позициям (44%), стоит серьёзно обеспокоиться. Во вполне благополучные для российской экономики 2000–2007 гг. нормой для промышленного производства в целом было ежегодное снижение по 1/5 – 1/3 позиций.

Впрочем, большое число падающих позиций в отдельные годы тоже ещё не говорит о массовом снижении производства за некоторый период. Так, за семь лет (2000–2007) производство в России сократилось по одному из пяти видов продукции. Эту величину нельзя назвать незначительной, но с учётом того, что 80% видов продукции продемонстрировали рост, её можно принять в качестве нормы. Однако в 2013 г. число падающих позиций стабилизировалось на уровне, который никак нельзя признать приемлемым (в обрабатывающих производствах больше 50% позиций (рис. 1.3)), а в 2016 г. по 56% видов обрабатывающих производств и по 68% видов производства машин и оборудования производилось меньше продукции, чем в 2007 г. В итоге за 16 лет нового века производство снизилось по 1/5 видов продукции добывающих производств, 1/3 – обрабатывающих и 40% – машин и оборудования.

В 2017–2018 гг. когда, казалось бы, экономика уже должна адаптироваться и к санкционным и нефтяным шокам, ситуация не улучшилась. В 2018 г. по 40% позиций обрабатывающих производств было произведено меньше продукции, чем в 2016 г., а по машинам и оборудованию – и вовсе почти по половине (рис. 1.4).

Рис. 1.3. Снижение производства по видам экономической деятельности, % от числа позиций

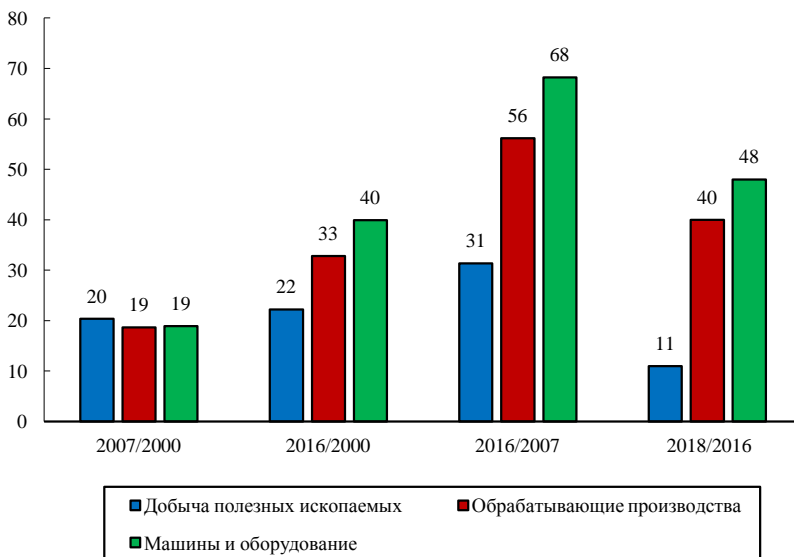

Рис. 1.4. Снижение производства по видам экономической деятельности, % от числа позиций

Мера отмеченного снижения отнюдь не символична. Если в 2016 г. по отношению к 2000 г. производство сокращалось, то в среднем вдвое. Правда, и средние темпы роста по увеличивающимся позициям выглядели впечатляюще: они составили в 2016 г. по отношению к 2000 г. 171% по обрабатывающим производствам, 75% – по добывающим, почти 200% – по машинам и оборудованию.

Добавим, что в представленных цифрах есть, к сожалению, определённая асимметрия. Если данным о снижении производства с известными оговорками (среднее невзвешенное) доверять можно, то оценка темпов роста производства гораздо менее надёжна и, очевидно, существенно завышена. Например, в 2000 г. был произведён всего один газоперекачивающий агрегат для магистральных газопроводов, а в 2009 г. – 18. Темп роста весьма высок и оказывает на среднюю величину интегральной оценки по виду экономической деятельности влияние, не сопоставимое с реальным вкладом данного вида оборудования в общий промышленный рост. При расчёте средних темпов роста подобные многочисленные выбросы не учитываются, тем не менее, проблема низкой базы расчётов для многих видов продукции сохраняется. Косвенно завышенность рассматриваемого показателя подтверждается результатами роста производства по соответствующим видам деятельности – куда более скромными, чем можно было бы ожидать, опираясь на невзвешенное среднее по растущим производствам.

Даже с учётом сделанных оговорок видно, что с начала века в российской материальной сфере произошли серьёзные структурные сдвиги: производство существенной доли продукции обрабатывающих производств, и особенно машин и оборудования, резко снижалось. При этом по части номенклатуры производимой продукции наблюдался явный рост.

Ответить на вопрос, по каким видам продукции (в том числе инновационным) – более или, наоборот, менее значимым для экономики – производство снижалось, а по каким росло, непросто. Росстат предоставляет информацию по производству высокотехнологичной продукции, но в агрегированном виде (табл. 1.1). Из имеющихся данных можно сделать вывод, что до 2014 г. ситуация здесь была весьма благоприятной, но начиная с 2015 г. заметно ухудшилась.

Таблица 1.1

**Индекс производства по высокотехнологичным
обрабатывающим видам экономической деятельности в России,
2012–2018 гг.**

Показатель	Год						
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Высокотехнологичная продукция по обрабатывающим видам экономической деятельности, %	113,1	109,3	117,4	100,7	96,8	105	95,1
Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг	8,0	9,2	8,7	8,4	8,5	7,2	...
Ежегодные темпы прироста внутренних затрат на исследование и разработки, %	3,7	1,6	0,7	-2,5	-0,3	1,5	...

Источник: Росстат. Центральная база статических данных. www.cbsd.gks.ru (дата обращения 04.07.2019). Наука. Технологии. Инновации, 2019, с. 34.

Переход на уровень конкретных видов продукции малопродуктивен. Без экспертного заключения о народнохозяйственной значимости и технологической сложности конкретного вида продукции с уверенностью говорить о прогрессивности или, напротив, регрессивности структурных сдвигов невозможно. Так, дискуссия, компенсирует ли почти десятикратный рост производства приборов контроля и регулирования технологических процессов, продолжавшийся в период 2000–2016 гг., примерно трёхкратное снижение за тот же период производства металлорежущих станков, неизбежно выходит на «бухгалтерский» уровень: есть интегральный (по всему кругу производимой продукции) выигрыш в создании добавленной стоимости или нет? Вопрос о том, что произойдёт с ВВП, если по каким-либо причинам национальная экономика потеряет возможность получать зарубежные металлорежущие станки, остаётся без ответа.

1.2. Динамика инвестиций в основной капитал

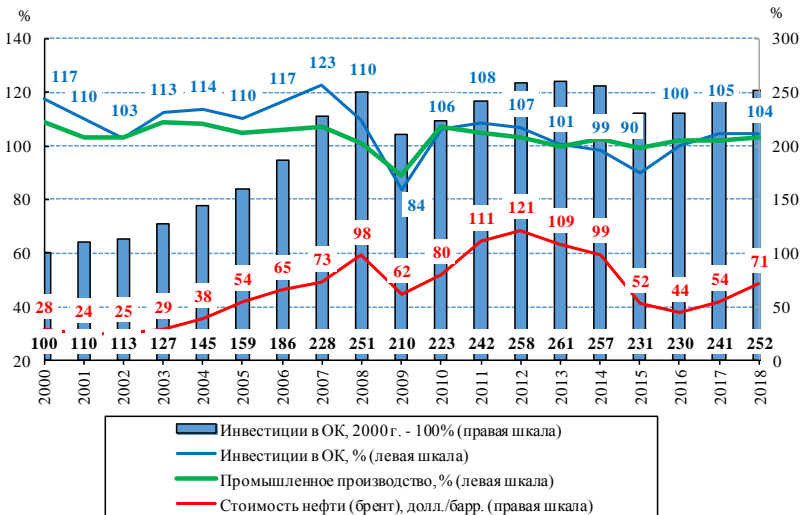
За острой общественно-политической дискуссией о низких темпах экономического роста, несоответствии сложившейся модели экономического развития современным реалиям российской экономики, несбывшихся надежд на то, что стоит потерпеть несколько лет, справиться с инфляцией и социальные и экономические проблемы России начнут решаться едва ли не сами собой, на периферии содержательного обсуждения осталась тема инвестиций в основной капитал. Данная проблематика традиционно маскируется весьма бурными дискуссиями об инвестиционных стратегиях на финансовом рынке – игре на фондовом рынке, *carry trade* стратегий, покупке/продаже различных облигаций. Но максимизация прибыли инвестора за счет финансовых операций и решение стоящих перед обществом социально-экономических задач, возможное только на основе развития реальной экономики, – существенно разные задачи.

Сравнительно низкая популярность инвестиционной тематики в общественном дискурсе объяснима. Увеличить инвестиции – значит согласиться на сегодняшнее уменьшение потребления и/или увеличение внешнего/внутреннего долга во имя лучшего будущего. У партии, идущей на выборы под лозунгом сокращения текущего потребления шансы на победу на выборах, очевидно, невелики. Увеличение долга – идея не многим более популярная. С тем, что долг может быть легко увеличен – согласны все, а вот с тем, пойдет ли это на пользу отечественной экономике, сомнениям нет числа.

Тем не менее, политическая «скользкость» инвестиционной тематики не отменяет факта, что инвестиции – основа промышленного роста. Странно ожидать сколько-нибудь существенного увеличения выпуска промышленной продукции без развития (экстенсивного или интенсивного) производственной системы. Связь между годовыми темпами роста промышленной продукции и годовыми темпами роста инвестиций на временном интервале 2000–2018 гг. фиксируется коэффициентом корреляции 0,84. Извечная проблема корреляционного анализа, что является причиной, а что – следствием, в данном случае неактуальна. Очевидно, что в течение одного года инвестиции не могут превратиться в производственные фонды, на которых производится продукция, поэтому динамика выпуска определяет динамику инвестиций. Неудовлетворенный спрос, на который производственная сфера реагирует соответствующим увеличением предложения, выявляет

ограничения в имеющейся системе производственных мощностей, а они, в свою очередь, снимаются через инвестиции.

Если промышленный рост в решающей мере определяется инвестициями, то чем задаются инвестиции? Отметим, что темпы роста инвестиций в ОК тесно связаны с темпами роста стоимости нефти на мировых рынках (коэффициент корреляции на временном горизонте 2001–2018 гг. равен 0,71). В период быстрого роста нефтяных цен темпы роста инвестиций в ОК росли невиданными по современным меркам темпами (достигнув в 2007 г. 123%). Обратная сторона этой модели – перестали расти цены на нефть – закончилась и эра ускоренного роста инвестиций. При этом в 2014–2015 гг. инвестиции снижались в абсолютном выражении, в 2016 г. остановились на провальном уровне 2015 г. В итоге сегодня в российскую экономику инвестируется примерно столько же средств, сколько в недоброй памяти 2008 г. и меньше, чем в 2012–2014 гг. (рис. 1.5).

Источники: Россия в цифрах, 2008, с. 35–36; 2010, с. 35–36; 2017, с. 423; 2018, с. 186.

Рис 1.5. Темпы роста промышленного производства и инвестиций в основной капитал в РФ, %

Технически снижение темпов роста инвестиций в ОК с 2012 г. можно объяснить «вдруг» начавшимся в этом году уменьшением доли привлеченных средств во всех инвестициях. Произошло это не за счет сокращения банковских кредитов (их доля в финансировании инвестиций в РФ традиционно мала и имеет крайне слабую тенденцию к росту) и бюджетного финансирования (хотя тенденция к его сокращению действительно наблюдается), а за счет снижения традиционно остающейся на периферии экономического анализа статьи «прочие привлеченные средства». Эта статья, напоминающая о традициях еще советского Госкомстата, когда она была едва ли не самой крупной из всех имеющихся (что соответствует рассматриваемому случаю), включает «инвестиции за счет средств, полученных от вышестоящих организаций (включая средства, выделяемые вышестоящими холдинговыми и акционерными компаниями, промышленно-финансовыми группами на безвозмездной основе)» [Методические, 2009]. В 2014 г. по отношению к 2012 г. данная статья сократилась на 4,3 п.п. В последующие годы сокращение продолжилось (табл. 1.2). С учетом стабильности большинства основных источников инвестиций в ОК резкое снижение интенсивности инвестиционных программ в российской экономике стало следствием изменения инвестиционной политики промышленно-финансовых групп.

Таблица 1.2

Инвестиции в основной капитал по источникам финансирования*, в фактически действовавших ценах, % к итогу

Показатель	Год								
	2000	2005	2010	2012	2014	2015	2016	2017	2018
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Инвестиции в основной капитал, всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100
в т.ч. по источникам финансирования:									
собственные средства	47,5	44,5	41	44,5	45,7	50,2	51	51,3	54,3
привлеченные средства	52,5	55,5	59	55,5	54,3	49,8	49	48,7	45,7

Окончание табл. 1.2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
их них:									
кредиты банков	2,9	8,1	9	8,4	10,6	8,1	10,4	11,2	10,8
в т.ч. кредиты иностранных банков	0,6	1	2,3	...	2,6	1,7	2,9	5,4	4,6
заемные средства других организаций	7,2	5,9	6,1	6,1	6,4	6,7	6	5,4	4
инвестиции из-за рубежа	0,9	1,1	0,8	0,8	0,6
бюджетные средства	22	20,4	19,5	17,9	17	18,3	16,4	16,3	15,3
в т.ч.: из федерального бюджета	6	7	10	...	9	11,3	9,3	8,5	7,4
из бюджетов субъектов РФ	14,3	12,3	8,2	...	6,5	5,7	6	6,7	6,8
из средств местных бюджетов	1,5	1,3	1,1	1,1	1,1
средства внебюджетных фондов	4,8	0,5	0,3	0,3	0,2	0,3	0,2	0,2	0,2
средства организаций и населения на долевое строительство	...	3,8	2,2	2,7	3,5	3,2	3	3,3	3
из них средства населения**	1,2	...	2,7	2,4	2,3	2,5	2,2
Прочие	15,6	16,8	21,9	20,0	15,7	12,1	12,2	11,5	11,8

Примечание. * – без субъектов малого предпринимательства и объема инвестиций, не наблюдаемых прямыми статистическими методами.

** – статистическое наблюдение ведется с 2006 г.

Источник: Россия в цифрах, 2019, с. 202.

Сокращение рассматриваемой статьи с 2013 г. объяснить не сложно: началось снижение цен на нефть – бюджетные ограничения промышленно-финансовых групп стали жестче. Однако уменьшение «прочих инвестиций в ОК» началось еще в 2012 г. (максимум по этой статье был достигнут в 2011 г. – 22,3%) По-видимому, именно здесь экономика всерьез вышла на ограничения, задаваемые действующей экономической моделью. Действительно, в 2012 г. цены на нефть достигли максимального уровня, до начала рестриктивных мер по отношению к российской экономике оставалось еще два года, а темпы роста ВВП уже – без видимой причины – начали сокращаться (–0,6 п.п. к темпам роста 2011 г.). Снизились темпы роста экономики – уменьшилась и потребность в инвестициях.

Сегодняшний спрос через текущий уровень инвестиций задаёт потолок будущего предложения, а значит, стабилизация инвестиций сформировала если не пределы, то существенные ограничения в промышленном росте по меньшей мере на период 2019–2022 г. Мягкость формулировки («ограничения», а не «пределы») связана с тем, что имеющиеся мощности используются далеко не полностью. По данным Росстата, в 2016 г. коэффициент использования производственных мощностей в добывающей промышленности составил примерно 67%, в обрабатывающей – 64%. Впрочем переоценивать представляющиеся существенными резервы в российском производственном аппарате не стоит. Низкая интенсивность его использования в решающей степени связана с моральным и физическим устареванием основных фондов – на них просто невозможно производить конкурентоспособную продукцию.

На рисунке 1.6 рассматриваемые ограничения хорошо видны: эхо низких инвестиций 2013–2016 гг. (и весьма невысоких в 2017–2018 гг.) ограничивает темпы роста выпуска продукции 2017–2022 гг. Действительно, годовые темпы прироста выпуска промышленной продукции за редкими, причём специфически, исключениями, всегда заметно ниже темпов прироста инвестиций. Оптимистичным вариантом будет, если в 2019 г. промышленный рост останется положительным, а в 2020 г. ситуация если и улучшится, то ненамного. Таким образом, на период до 2022 г. Россия обречена на низкие темпы экономического роста и хорошо, если не на стагнацию или дальнейшее снижение производства.

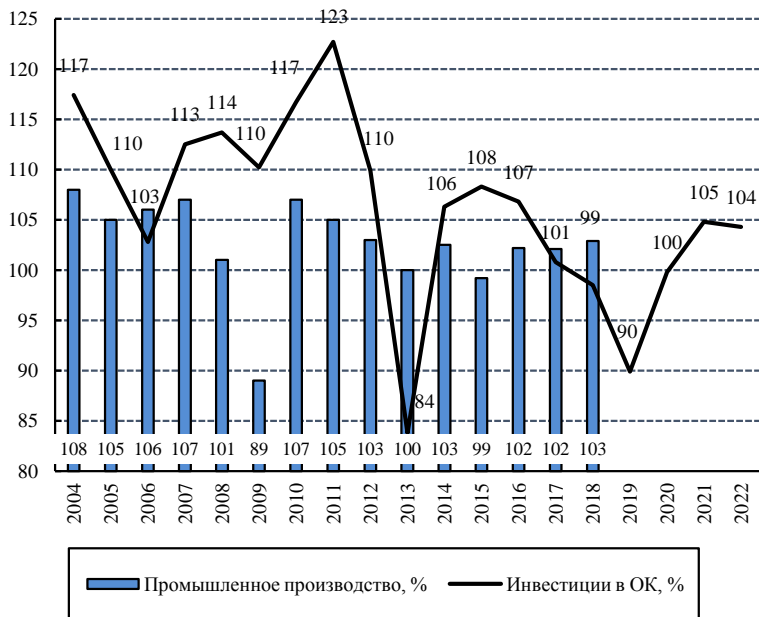

Рис. 1.6. Темпы роста инвестиций в основной капитал (со сдвигом вправо на 4 года) и промышленного производства, %

Может быть, абсолютные масштабы инвестиций в российскую экономику настолько велики, что некоторое снижение темпов их роста не так уж страшно? Рассмотрим абсолютный уровень отечественной инвестиционной программы. По данным Росстата, инвестиции в ОК по всем видам экономической деятельности по полному кругу организаций в 2018 г. составили 17,595 трлн руб. Много это или мало? В терминах структуры ВВП – это несколько больше, чем у главного российского геополитического конкурента – США. В РФ доля валового накопления в основной капитал в ВВП в 2016 г. составила 22,8% (23,9% в 2017 г.), в США – 19,7% (2016 г.) [The World , 2019]. Тем не менее, в абсолютном выражении объем российских инвестиций невелик.

Как сравнивать российские и американские показатели? На первый взгляд российские и американские инвестиции в ОК рассчитываются одинаково: и в США, и в РФ в структуре инвестиций учитываются: жилые здания и помещения, здания (кроме жилых) и сооружения, расходы на улучшение земель; машины,

оборудование, включая хозяйственный инвентарь и другие объекты; объекты интеллектуальной собственности. Но в 2017 г. стоимость объектов интеллектуальной собственности в совокупных инвестициях в ОК в США составила 27% [Investment, 2018], а в РФ – только 3% [Центральная, 2018]. Столь существенная разница в оценках интеллектуальной собственности определяется как институциональными факторами (в России и США права на интеллектуальную собственность традиционно защищаются существенно по-разному), так и организационно-методическими – большинство российских компаний при осуществлении инвестиций либо вовсе не выделяет интеллектуальную составляющую, либо делает это формально.

Тем не менее, прямое сопоставление российских и американских данных даст искаженное представление о позиционировании стран относительно друг друга. Так, инвестиции в ОК обрабатывающих производств США в 2009 г. по данным 2010 г., когда еще не производилось выделение объектов интеллектуальной собственности, составили 205 млрд долл. По ретроспективному же расчету (данные 2018 г.) рассматриваемая величина составила уже 357,8 млрд долл. (с учетом интеллектуальной собственности) и «всего лишь» 149,3 млрд долл. без нее. Как видим, «старые» данные достаточно далеки от обеих границ, полученных в рамках новой методологии учета. Тогда в случае прямого сопоставления – занижен реальный российский уровень инвестиций, в случае сопоставления российских инвестиций с американскими за вычетом интеллектуальной стоимости – напротив, он окажется завышен. Естественно предположить, что адекватная реальности оценка находится в интервале между крайними решениями.

Второй подводный камень при сопоставлении российских и американских показателей в инвестиционной сфере – как пересчитывать рубли в доллары? Использование рыночного курса здесь некорректно. Активная часть основных фондов – машины и оборудование отечественного или импортного производства (примерно 1/3 инвестиций в основной капитал российских предприятий в 2017 г.) – торгуемые товары, которые приобретаются по рыночным ценам. Здесь использование биржевого курса валют оправдано. Для пассивной части основных фондов – зданий и сооружений (40–45% всех инвестиций) – такой подход

уже неприемлем. Собственно, этим обстоятельством и определяется необходимость расчета показателя паритета покупательной способности (ППС).

Росстат систематически представляет данные по ППС для ВВП в целом. По отдельным категориям товаров, в частности инвестиционным, информация по ППС эпизодична. Имеются данные за 2002 г., 2005 г., 2011 г., 2014 г. На актуальные даты информации нет. При этом именно в 2015–2017 гг. российская экономика была вынуждена адаптироваться к принципиально новым условиям функционирования – низким ценам на нефть и последовательному ужесточению политических и экономических санкций. Дать оценку ППС по инвестициям за эти годы без полноценных статистических сопоставлений невозможно. Но сделать некоторые обоснованные предположения все же можно. Действительно, как бы ни менялся номинальный курс рубля к доллару, соотношение ППС по ВВП и ППС для инвестиций на протяжении последних десяти лет довольно устойчиво. Предположим, что в 2015–2018 гг. отношение ППС для ВВП и ППС для инвестиций 2014 г. (последний год за который есть официальные данные) не изменилось. Тогда ППС для инвестиций в 2015 г. равняется 33,99 руб./долл., 2016 г. – 35,10 руб./долл., 2017 г. – 35,07 руб./долл., 2018 г. – 35,24 руб./долл. В расчетах будем опираться на эти значения.

Наконец, население США в 2,2 раза превышает российское, что автоматически предопределяет различие в валовых значениях. Поэтому рассмотрим как валовые, так и относительные (на душу населения) показатели.

Анализ российской инвестиционной динамики сквозь призму сопоставления отечественных и американских инвестиционных достижений со всей остротой проявляет проблему слома действующей российской экономической модели на рубеже 2013–2014 гг. Данные табл. 1.3, рис. 1.7 наглядно демонстрируют быстрое приближение российских показателей к американским в первом десятилетии нового века. Во втором же десятилетии «что-то сломалось»: завоеванные позиции не просто не были удержаны – произошел заметный откат назад.

Таблица 1.3

Инвестиции в основной капитал РФ и США

Показатель	Год								
	2002	2005	2008	2011	2014	2015	2016	2017	2018
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
РФ, млрд руб.	1 762	3 611	8 782	11 036	13 903	13 897	14 749	16 027	17 595
РФ, млрд долл.	56	126	354	376	366	229	220	275	281
РФ, млрд долл. ППС для инве- стиций	107	188	383	395	459	409	420	457	499
США, млрд долл. (с учетом объектов интел- лектуальной соб- ственности, ИС)	2 329	2 967	3 116	2 912	3 539	3 672	3 746	3 958	4 227
США, млрд долл. (без учета объектов ИС)	1 796	2 341	2 368	2 105	2 621	2 717	2 738	2 903	3 086
РФ, долл. ППС для инвести- ций/душу насе- ления	4,6	6,3	12,3	13,6	13,0	11,1	11,2	11,5	11,8
США (с учетом ИС), долл./душу населения	6,0	8,0	16,2	18,8	17,5	15,0	15,3	15,7	16,2
США (без учета ИС), долл./душу населения	740	1307	2680	2767	3195	2795	2868	3113	3399

Расчитано по: www.bea.gov Table 1.5. Investment in Fixed Assets and Consumer Durable Goods. ЦБСД, www.gks.ru; Россия в цифрах, 2019, с. 548–549. [дата обращения 20.08.19]

http://www.cbr.ru/currency_base/daily.aspx?C_month=07&C_year=2000&date_req=01.07.2000, [дата обращения 20.08.19]

http://www.cbr.ru/currency_base/daily.aspx?C_month=06&C_year=1995&date_req=30.06.1995 [дата обращения 20.08.19]

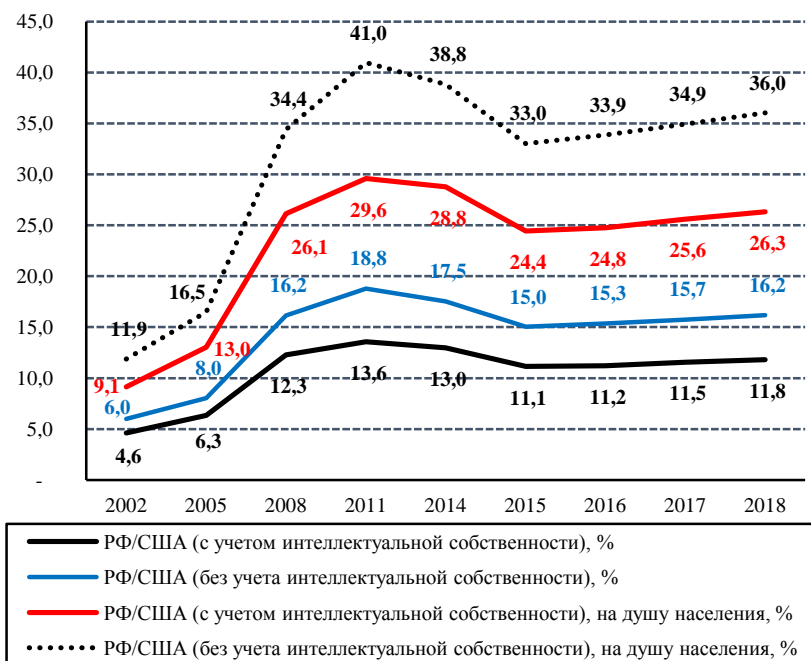

Рис. 1.7. Отношение инвестиций в основной капитал РФ к США, %

Отметим, преувеличивать значение российских достижений и в 2008–2011 гг. не стоит: в период мирового финансового кризиса инвестиционная активность в США заметно снизилась. Позднее американский инвестиционный процесс вновь набрал ход, зато российская экономика попала под двойной удар: с 2013 г. начала дешеветь нефть, с 2014 г. начало нарастать санкционное давление. Так, если в 2013 г. рубль стоил 31,8 руб./долл., то в 2016 г. уже 66,9 руб./долл. Слабый рублевый рост инвестиций не компенсировал валютных потерь даже с учетом более плавной динамики показателя ППС по инвестициям.

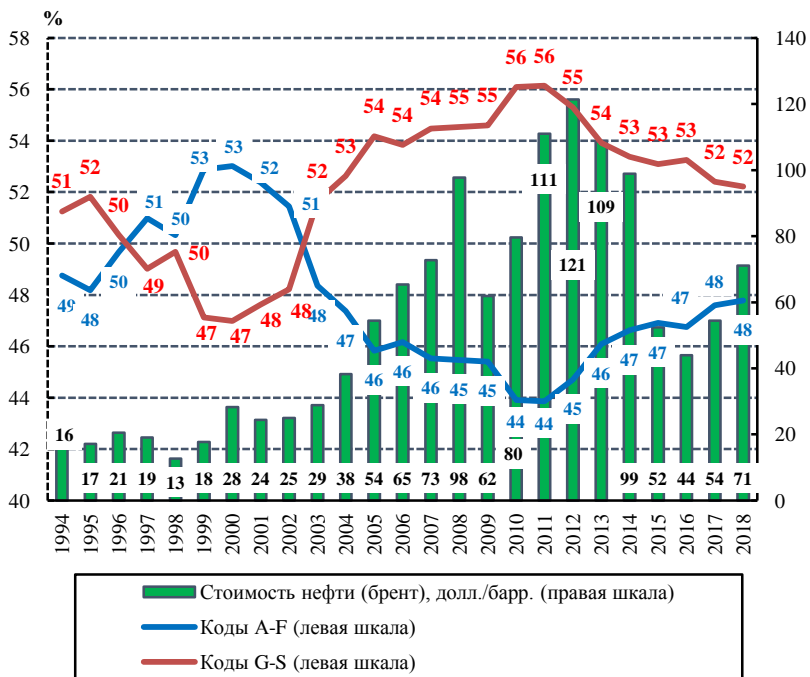
Представленные данные говорят о том, что, с одной стороны, Россия за последние полтора десятилетия совершила огромный скачок вперед: вне зависимости от методики счета российское инвестиционное отставание от США снизилось многократно. С другой, отставание остается чрезвычайно высоким и, хуже того, имеет тенденцию к стабилизации на неприемлемо низком

уровне. Как можно противостоять давлению со стороны экономики, уровень инвестиций в которую превышает российский в 6,2 раза (оптимистическая оценка, без учета объектов интеллектуальной собственности, 2017 г.) и в 8,5 раза (более реалистическая – с учетом объектов интеллектуальной стоимости), совершенно непонятно. Российские инвестиции смотрятся особенно бледно, если принять во внимание их абсолютный уровень: так, в 2018 г. по отношению к 2017 г. они выросли на 53 млрд долл. (по ППС), а американские – на 183 млрд долл. Аргумент, что население России существенно меньше американского – неубедителен. Отечественные инвестиции на душу населения в 3–4 раза меньше аналогичных американских.

Выше отмечался инвестиционный рывок российской экономики в начале 2000-х годов. Более тщательное рассмотрение качества этого роста в очередной раз подтверждает известную истину – видимая часть явления редко отражает его сущность. Действительно, для решения стратегических задач развития страны важен не только рост инвестиций, но и его качество. На рис 1.5 хорошо видно, что темпы роста инвестиций в отечественную экономику были весьма высоки до 2008 г. Но данные рис. 1.8 говорят о том, что если до 2001 г. этот рост обеспечивался преимущественно за счет инвестиций в материальное производство (разделы А–F), то с 2002 г. вплоть до 2011 г. – уже за счет услуг (разделы G–O). Невозможно не заметить и связь между характером инвестиционного роста и динамикой нефтяных цен: чем дороже нефть, тем относительно меньше инвестиций идет в материальное производство и, соответственно, больше в услуги, и наоборот.

В литературе представлена точка зрения, что экономический рост, основанный на рентных доходах от продажи природных ресурсов, весьма специфичен [Алексеев, 2017; Гильмуллин, 2017]. Укрепление национального платежного средства, связанное с большим притоком иностранной валюты, неизбежно без специальных мер центрального банка страны реципиента валюты, повышает стоимость рабочей силы, что отрицательно сказывается на конкурентоспособности обрабатывающих производств. Инвестиции начинают перераспределяться в добывающие производства (генератор валютных доходов) и услуги (преимущественно неторгуемые). Обрабатывающая промышленность в силу инвестиционного голода, способствующего нарастающему технологическому отставанию, становится все менее конкуренто-

способна. Круг замыкается. В результате страна получает сравнительно развитый добывающий сектор экономики, постепенно слабеющую, размывающуюся обрабатывающую промышленность и гипертрофированную относительно своего реального производственного потенциала сферу услуг. Отметим, что при подобном сценарии растут в первую очередь простые неторгуемые услуги. Материальная основа для развития сложных, высококвалифицированных услуг, ориентированных на обслуживание высокотехнологичных производств, масштабный инжиниринг, сложные технологические проекты, не создается. Не развиваются и соответствующие им услуги.

Источник: Россия в цифрах, 2017, с.430–432; ЦБСД, www.gks.ru. (дата обращения: 20.01.19)

Рис. 1.8. Доля инвестиции в основной капитал по видам экономической деятельности по полному кругу организаций, %

Код ОКВЭД2. А – сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство; В – добыча полезных ископаемых; С – обрабатывающие производства;

D – обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха; **E** – водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений; **F** – строительство.

Код ОКВЭД2. G – торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов; **H** – транспортировка и хранение; **I** – деятельность гостиниц и предприятий общественного питания; **J** – деятельность в области информации и связи; **K** – деятельность финансовая и страховая; **L** – деятельность по операциям с недвижимым имуществом; **M** – деятельность профессиональная, научная и техническая; **N** – деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги; **O** – государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное обеспечение; **P** – образование; **Q** – деятельность в области здравоохранения и социальных услуг; **R** – деятельность в области здравоохранения и социальных услуг; **S** – предоставление прочих видов услуг.

Оправданы ли с точки зрения интересов долгосрочного национального развития сложившиеся инвестиционные приоритеты?

Соответствовало ли развитие российской экономики этой теоретической модели? Данные рис. 1.8 свидетельствуют о том, что инвестиции в услуги действительно росли быстрее, чем в производственный сектор. Логично предположить, что инвестиции и в добывающие производства росли быстрее, чем в обрабатывающие и в сельское хозяйство. Так ли это?

И да, и нет. Действительно, темпы роста инвестиций в добывающие производства всегда оказывались выше, чем в обрабатывающие. Но! До 2008 г. темпы роста инвестиций в добывающие и обрабатывающие производства были сопоставимы. С 2009 г. обрабатывающие производства начали отставать, а с 2015 г. инвестиционные траектории добывающих и обрабатывающих производств разошлись: инвестиции в добывающие производства продолжали расти, а в обрабатывающие производства начали резко (по 10 п.п. в год) снижаться. Инвестиции в сельское хозяйство осуществлялись хорошим, хотя и рваным темпом. Лишь с 2014 г. они стали явно отставать от темпов роста инвестиций в добывающие производства (рис. 1.9).

Таким образом, на изменение мировой конъюнктуры нефтяных цен три крупнейших сектора российской реальной экономики (сельское хозяйство, добывающие и обрабатывающие производства) в части своих инвестиционных стратегий реагировали примерно одинаково, а на санкции – по-разному. Почему? Выскажем предположение – к 2014 г. российская экономика уже прочно интегрировалась в глобальную, причем, что важно, на

правах периферии с сырьевой специализацией. Снижаются мировые цены на природные ресурсы или растут в данной модели уже не важно. Добывающие производства – основной источник валютных поступлений. Поэтому уровень инвестиций здесь слабо подвержен конъюнктурным изменениям.

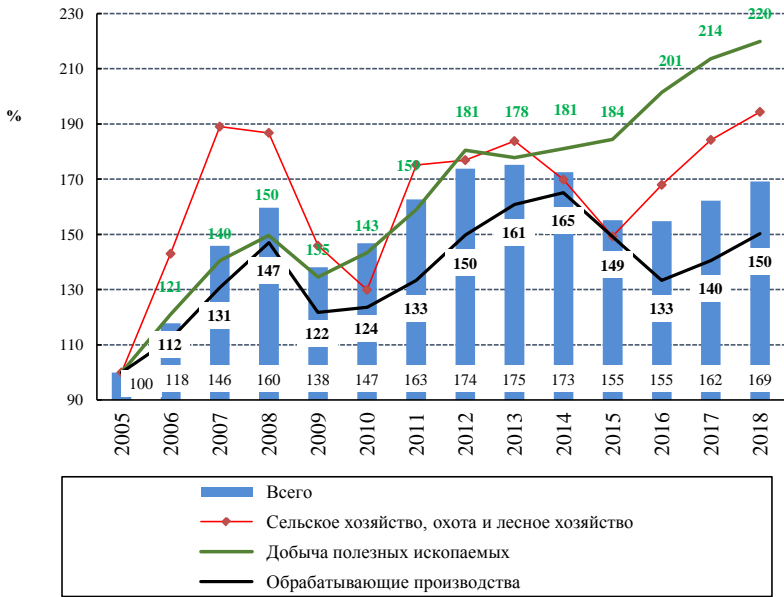

Рис. 1.9. Динамика инвестиций в основной капитал в РФ по видам экономической деятельности, 2005 г. – 100%.

Иное дело сельское хозяйство и обрабатывающие производства. Инвестиции в сельское хозяйство относительно добывающих и обрабатывающих производств невелики. Даже сравнительно небольшой их прирост/снижение задают существенную волатильность.

Ситуация с инвестициями в обрабатывающие производства интереснее. На первый взгляд, действующая экономическая модель, по крайней мере до 2008 г., обеспечивала не просто их устойчивый рост, а рост, сопоставимый с инвестициями в добывающие производства – и это плохо согласуется с высказанным предположением о характере интеграции российской экономики в мировую. Впоследствии этот рост стал притормаживать, но настоящие проблемы с инвестициями в обрабатывающие производ-

ства начались лишь после ценового и санкционного шока 2014 г. Ключевое слово здесь «после», а не «вследствие» шока. Спад инвестиций в обрабатывающих производствах стал закономерным следствием специфики их предыдущего наращивания.

Действительно, из 74 инвестиционных позиций, по которым Росстат предоставляет данные, лишь по 51 (69%) физический объем инвестиций в 2016 г. превышал уровень 2005 г. Это серьезный симптом. После 11 лет разговоров об индустрии 4.0, цифровой экономики, разработки Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации [Концепция, 2008] и Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года [Об утверждении, 2012], государственных и федеральных целевых программ развития [Портал, 2018], инвестиции почти по одной трети крупнейших инвестиционных позиций в 2016 г. оказываются меньше, чем в 2005 г.

Что это за позиции? Падение инвестиционной активности почти не затронуло добычу полезных ископаемых; производство и распределение электроэнергии, газа и воды; строительство; торговлю; гостиницы и рестораны; финансовую деятельность, образование. Снизилась инвестиционная активность в связи, водном транспорте, ряде услуг. Но основной удар пришелся на обрабатывающие производства – падающих позиций здесь уже почти половина (48%). В 2014 г. – до ввода санкций – таких позиций было только 20% (тоже, впрочем, не мало).

Таким образом, характер инвестиционной активности в российском обрабатывающем секторе подтверждает точку зрения, что встраивание в глобальную экономику без достаточно жесткого контроля со стороны государства (через работающие механизмы стратегии долгосрочного социально-экономического развития), ведет к его фрагментированию, пористости, повышению зависимости и угрозы схлопывания обрабатывающего сектора в случае разрыва связей с мировой экономикой. Именно поэтому нарушение связей с зарубежными поставщиками, произошедшее не в самом жестком формате в 2014 г. стало тяжелым испытанием для российских обрабатывающих производств. Разрушение относительной целостности отечественного обрабатывающего сектора, происшедшее на протяжении последних двух десятилетий под теоретическим обоснованием «пусть победит сильнейший», привело к потере надежности имеющейся технологической системы в целом. Следствием даже сравнительно небольших, хотя и массовых сбоях

в ее жизнеобеспечении, стал, если и не паралич, то, во всяком случае, ступор в развитии. Этот вывод хорошо соотносится с данными по выпуску продукции (см. предыдущий раздел).

Отмеченная активизация инвестиционной программы в сельскохозяйственном производстве – результат открытия (создания) рынка для отечественного производителя за счет вытеснения с этого рынка зарубежного (в рамках программы «антисанкций»). «Вдруг» появившийся масштабный платежеспособный спрос, простимулированный господдержкой сельхозпроизводителей и отсутствием неэкономических ограничений по осуществлению инвестиций, показал, что финансирование инвестиций под коммерчески привлекательные проекты находится легко.

Логически следующий из приведенных данных вывод о необходимости создавать относительно независимую от остального мира производственную систему, требует дополнительного обоснования. Как показано выше, инвестиции в обрабатывающие производства все же растут, хотя и темпами, далекими от желаемых. Рассмотрим этот рост не «в целом», а с точки зрения реальных приоритетов развития российской экономики.

Инвестиции в обрабатывающие производства. Отметим, что доля инвестиций в обрабатывающие производства во всех инвестициях в основной капитал в 2018 г. примерно соответствовала аналогичной величине 1994 г. – одному из самых тяжелых в новейшей российской истории периоду, когда было «не до инвестиций» (14,69 и 14,52%, соответственно). По отдельным отраслям обрабатывающей промышленности ситуация еще серьезнее. За 22 года из 18 укрупненных отраслей (по которым имеются данные) в 2016 г. лишь по 5 (!) доля инвестиций в совокупных инвестициях выросла. По 70% рассматриваемых отраслей инвестиции относительно уменьшились. Относительно в общем случае не значит абсолютно. Тем не менее, характер изменения структуры инвестиций за последние почти четверть века не дает никаких оснований для благостных надежд, что российская экономика постепенно эволюционирует в сторону новой, инновационной экономики. Да, заметно вырос в совокупных инвестициях удельный вес химических производств. Увеличилась доля инвестиций в «Производство медицинских изделий, средств измерений, контроля, управления и испытаний; оптических приборов, фото и кинооборудования; часов», «Производство судов, летательных и космических аппаратов и про-

чих транспортных средств», «Обработку древесины и производство изделий из дерева». Стали заметны инвестиции в «Производство офисного оборудования и вычислительной техники» (в 1994 г. их доля была пренебрежимо мала). Зато существенно снизился удельный вес в совокупных инвестициях по множеству других позиций. Ни о каком ускоренном развитии базовых отраслей, обеспечивающих если и не технологический прорыв, то хотя бы подъем – и речи нет.

На рис. 1.8 хорошо видно, что в 2000 г. доля инвестиций в обрабатывающие производства в совокупных инвестициях в основной капитал немного возросла. Но основным бенефициаром этого роста стало производство пищевых продуктов, обработка древесины и целлюлозно-бумажная промышленность, металлургическое производство. Трудно представить, но на такие драйверы развития современной технологической системы как производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования, офисного оборудования и вычислительной техники, электрических машин и электрооборудования, электронных компонентов, аппаратуры для радио, телевидения и связи, медицинских изделий, средств измерений, контроля, управления и испытаний; оптических приборов, фото и кинооборудования; часов в рассматриваемом году пришлось лишь 0,6% (!) совокупных инвестиций. Еще труднее, впрочем, осознать, что это в некотором смысле рекорд – в последующие годы доля данных отраслей в инвестициях в ОК сократилась.

В 2014 г. – спустя 6 лет после кризиса 2008–2009 гг. – доля инвестиций в обрабатывающие производства по сравнению с кризисным 2008 г. не изменилась. Отличительным признаком этого периода все же стало то, что в таких принципиально важных для развития отечественной производственной системы отраслях как производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования, транспортных средств и оборудования, автомобилей, прицепов и полуприцепов, а также, традиционно, в химических производствах наметился их опережающий (относительно остальных рассматриваемых отраслей) рост.

Казалось бы, этот рост должен был получить мощный импульс с началом программы введения санкций против российской экономики и падением цен на нефть. Но нет. В 2018 г. доля инвестиций в обрабатывающие производства если и не достигла исторического минимума, то оказалась меньше, чем в знаковые для

российской экономики 2008 г. и 2014 г. Соответственно, в 2016 г. (против 2014 г.) доля инвестиций выросла лишь по пяти подразделам раздела D Обрабатывающие производства (всего одиннадцать подразделов). Относительно провалились инвестиции в производство машин и оборудования (без производства оружия и боеприпасов), в производство электрических машин и электрооборудования, в производство электронных компонентов, аппаратуры для радио, телевидения и связи, в производство транспортных средств и оборудования, в т.ч. производство автомобилей, прицепов и полуприцепов, судов, летательных и космических аппаратов и прочих транспортных средств (табл. 1.4).

Российские инвестиционные результаты особенно наглядны на американском фоне. При огромном отставании от США по инвестиционной активности в целом, отечественные инвестиции в сельское хозяйство и, особенно, добывающие производства смотрятся неплохо. С обрабатывающими же производствами ситуация еще не настолько плоха, как в начале 2000-х гг., но уже хуже чем в 2014 г. Данные рис. 1.10, 1.11 в очередной раз свидетельствуют о последовательном курсе России на сырьевую и, отчасти, сельскохозяйственную специализацию в мировом разделении труда.

Таблица 1.4

Доля инвестиции в основной капитал по видам экономической деятельности по полному кругу организаций (обрабатывающие производства), %

Параметр	Год						
	1994	2000	2008	2014	2016	2017	2018
1	2	3	4	5	6	7	8
Обрабатывающие производства	14,52	16,3	15,0	15,0	14,26	14,33	14,69
производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	2,71	3,77	2,21	1,81	1,65	1,80	1,82
текстильное и швейное производство	0,39	0,17	0,11	0,15	0,07	0,09	0,09
производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	0,05	0,02	0,03	0,06	0,02	0,03	0,03
обработка древесины и производство изделий из дерева	0,40	0,59	0,55	0,36	0,45	0,45	0,37
химическое производство	1,25	1,36	1,54	1,63	2,49	2,65	2,83
производство резиновых и пластмассовых изделий	0,29	0,32	0,36	0,32	0,27	0,30	0,35

Окончание табл. 1.4

1	2	3	4	5	6	7	8
металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	2,34	3,08	3,30	1,48	1,83	1,78	1,76
производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки	0,56	0,43	0,41	0,36
производство компьютеров, электронных и оптических изделий	0,36	0,42	0,41	0,39
производство электрического оборудования	0,37	0,26	0,22	0,21	0,20	0,25	0,24
производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов	1,43	0,85	0,74	0,87	0,66	0,51	0,76
производство судов, летательных и космических аппаратов и прочих транспортных средств	0,72	0,56	0,38	0,78	0,75	0,80	0,84

Расчитано по: ЦБСД, www.gks.ru [дата обращения 09.08.19]

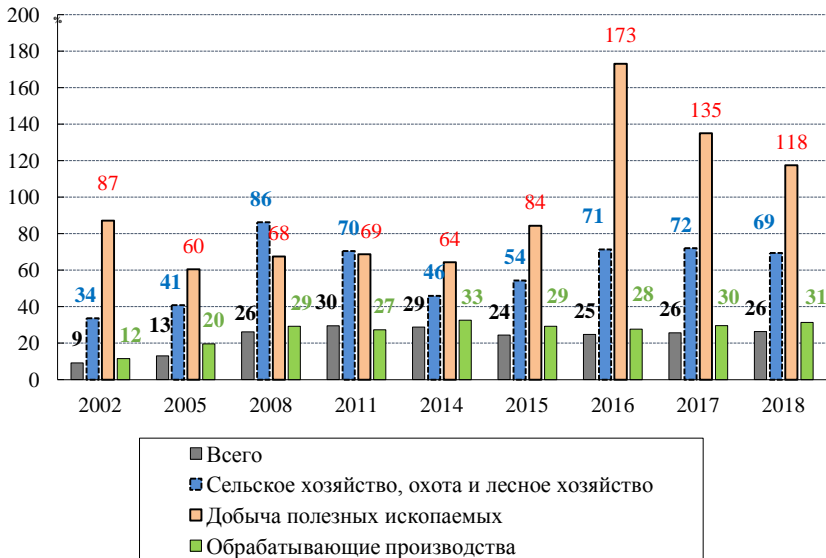

Рис. 1.10. Инвестиции в основной капитал по видам экономической деятельности, РФ к США, ППС для основного капитала на душу населения (с учетом интеллектуальной стоимости), %

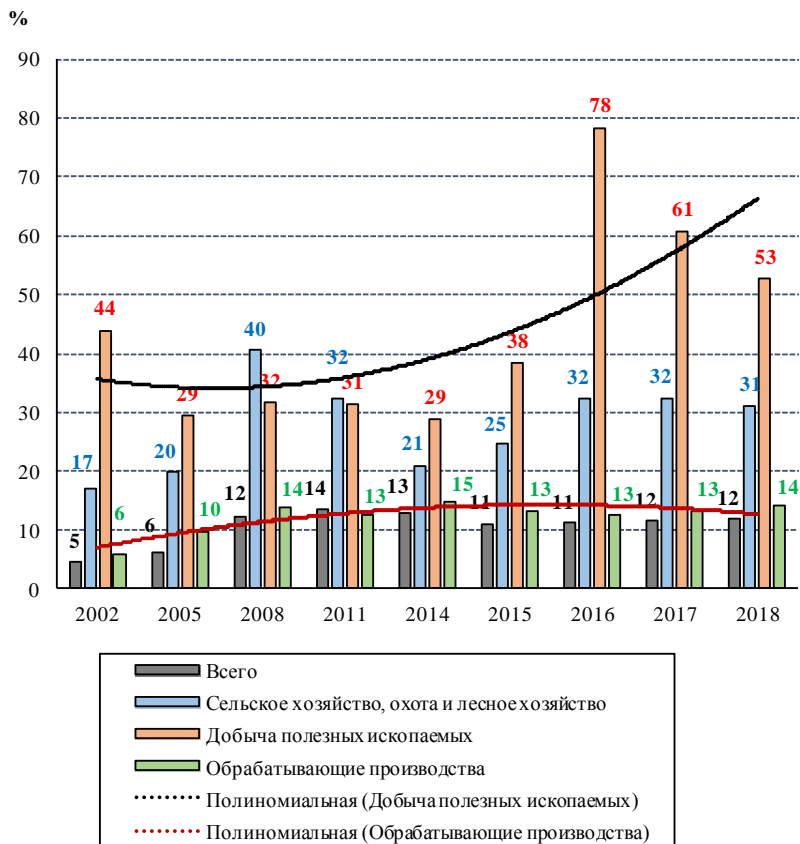

Рис. 1.11. Инвестиции в основной капитал по видам экономической деятельности, РФ к США, ППС для основного капитала (с учетом интеллектуальной стоимости), %

Данные табл. 1.5 демонстрируют масштаб и темпы нарастания инвестиционных проблем с точки зрения учета не самого благоприятного для РФ международного окружения. Если до 2014 г. Россия догоняла США по объему инвестиций в реальном секторе даже не по удельным, а по валовым показателям, то в 2015–2018 гг. наблюдается стабилизация, а по ряду позиций и откат назад.

Таблица 1.5

**Инвестиции в основной капитал по видам экономической,
РФ/США, ППС для инвестиций, %**

Показатель	Год								
	2002	2005	2008	2011	2014	2015	2016	2017	2018
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки (без учета ИС)	...	20,8	27,6	15,3	20,6	21,4	17,6	18,2	16,3
<i>Производство машин и оборудования (с учетом ИС)</i>	...	10,4	15,5	8,3	10,2	10,2	7,9	8,1	7,2
Производство электрического оборудования (без учета ИС)	9,5	20,4	24,0	23,0	25,2	23,5	27,3	29,5	29,6
<i>Производство электрического оборудования (с учетом ИС)</i>	5,2	8,6	11,8	9,6	11,3	10,8	10,7	12,9	12,8
Производство автомобилей, прицепов и полуприцепов (без учета ИС)	6,2	6,7	18,8	11,1	14,8	13,6	14,3	11,4	17,4
<i>Производство автомобилей, прицепов и полуприцепов (с учетом ИС)</i>	3,0	3,0	9,4	6,0	8,3	7,5	6,4	5,1	7,7
Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака (без учета ИС)	26,7	33,5	39,5	33,5	34,9	29,3	27,1	33,1	34,8
Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака (с учетом ИС)	21,1	26,8	32,1	26,1	27,7	23,3	21,5	26,1	27,3
Текстильное и швейное производство (без учета ИС)	11,7	15,3	27,0	33,0	38,5	23,1	21,4	41,1	40,8
Текстильное и швейное производство (с учетом ИС)	9,5	11,7	20,3	22,0	27,7	15,8	14,2	24,2	24,9
Химическое производство (без учета ИС)	7,5	16,4	25,1	23,7	23,1	23,4	27,5	31,5	34,8

Окончание табл. 1.5

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Химическое производство (с учетом ИС)	2,4	4,3	6,2	6,4	6,8	7,6	8,6	9,7	10,9
Производство резиновых и пластмассовых изделий (без учета ИС)	4,4	12,3	17,8	16,7	14,2	16,8	10,2	12,6	15,4
Производство резиновых и пластмассовых изделий (с учетом ИС)	3,4	9,4	13,5	12,0	10,7	12,5	7,8	9,5	11,6

Рассчитано по: www.bea.gov Table 1.5. Investment in Fixed Assets and Consumer Durable Goods, Table 3.7ESI. Investment in Private Fixed Assets by Industry, Table 3.7I. Investment in Private Intellectual Property Products by Industry; ЦБСД, www.gks.ru; (дата обращения 20.12.18) Россия в цифрах, 2019, с. 548–549.

http://www.cbr.ru/currency_base/daily.aspx?C_month=07&C_year=2000&date_req=01.07.2000 (дата обращения 10.09.18).

http://www.cbr.ru/currency_base/daily.aspx?C_month=06&C_year=1995&date_req=30.06.1995 (дата обращения 10.09.18).

* *
*

Таким образом, инвестиционная динамика ни по масштабам, ни по структуре не дает оснований говорить не только о начале развертывания в РФ инновационной экономики, но даже о создании серьезных заделов для этого. Лишь в 2018 г. удастся обнаружить слабые признаки начала адаптации российской технологической системы к нарастающим внешним санкционным шокам.

Источники информации

Алексеев А.В. Денежное предложение: предпосылка или допинг для экономического роста? // ЭКО. 2017. № 3. – С. 48–59.

Гильмуллин В.М. Новые аспекты «голландской болезни» экономики России в условиях санкций: риски и рецепты // Идеи и идеалы. 2017. № 1, т. 1. – С. 68–81.

Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р (ред. от 08.08.2009 г.) // Собрание законодательства РФ. – М., 2008. – № 47.

Методологические положения по системе статистических показателей, разрабатываемых в статистике строительства и инвестиций в основной капитал. – М. 2009. – С. 10.

Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. N 2227-р // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 1. – Ст. 216.

Портал госпрограмм РФ. <https://programs.gov.ru/Portal/> (дата обращения 22.08.2018).

Центральная база статистических данных (ЦБСД), 2018 г.
http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/investment/nonfinancial/# (20.12.18).

Investment in Fixed Assets and Consumer Durable Goods, Table 1.5. 2018.
<https://www.bea.gov> (дата обращения 20.12.18).